

КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ СТРУКТУР ЛИЧНОСТИ В СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Актуальная ситуация общественного развития в нашей стране определяется целым рядом процессов, среди которых можно отметить и ускорение темпов социальной динамики, и преобразование старых и возникновение новых социальных структур, и трансформацию общественных идеалов и ценностей: неслучайно квалификация ее как ситуации радикальных социальных перемен стала уже общепринятой. Заметим, что другой — и с нашей точки зрения более общей, — была бы квалификация данной дестабилизации общественного развития как ситуации социальной неопределенности. Не менее распространенным стал и тезис о том, что подобная социальная ситуация задает новые параметры хода социализации, предъявляя к ее субъекту повышенные требования в формировании новых моделей социального поведения, конструирования персональной системы ценностей и идентификационных структур. При этом именно последняя задача, неуспешное разрешение которой ведет к кризису идентичности, рассматривается как одна из ведущих психологических проблем, которые встают перед человеком и обществом в целом в ситуации социальной нестабильности, - наряду с глобальной ломкой устоявшихся социальных стереотипов и изменением системы ценностей. Отмечается, что кризис идентичности «можно определить как особую ситуацию сознания, когда большинство социальных категорий, посредством которых человек определяет себя и свое место в обществе, кажутся утратившими свои границы и свою ценность» (Андреева, 1997. С 223).

Таким образом, в основе кризисных явлений в конструировании идентификационных структур лежат объективные и субъективные трудности процесса социальной категоризации.

В чем же именно они состоят? В чем именно может выражаться утрата социальными категориями своих «границ»? Кто оказывается более успешен в этой ситуации?

Представляется, что обращение к этим вопросам имеет не только социально-психологический, но и более широкий гносеологический контекст. Рамки его образуют представления о поведении человека в ситуации неопределенности, которые имеют очевидный междисциплинарный характер. Обратимся поэтому к краткому анализу данного вопроса.

1. Человек в ситуации неопределенности: междисциплинарная перспектива

Прежде чем непосредственно обратиться к заявленной проблеме, попытаемся дать хотя бы краткий обзор точек зрения, касающихся самого понятия неопределенности.

Собственно понятие «неопределенность» широко используется в разных областях знания и не является исключительной «принадлежностью» не только социальной психологии, но

и всего гуманитарного знания в целом. И физический, и социальный мир наполнен множеством «неопределенностей», и потому задача их типологии выступает как наиболее эксплицированная для чисто гносеологических подходов к данной проблеме. Очевидно, что построение подобного рода *типологий* может идти по самым разным основаниям. Так, например:

в зависимости от состояния субъекта и объекта выделяют вероятностную, эпистемологическую и полную неопределенности;

с точки зрения предсказуемости происходящих изменений отмечают гетерономную и имманентную неопределенности;

в зависимости от состояния какой-либо системы во времени говорят о константной, ретроспективной и перспективной (иногда проспективной) неопределенностях (см. *Луковицкая, 1998*).

Очевидно также, что ключевым вопросом является само определение ситуации неопределенности. В большинстве случаев наличия подобной ситуации (в данном случае неважно, идет ли речь об объективных параметрах ситуации или же о субъективном восприятии ее субъектом действия) в качестве ведущего признака выделяется информационный: *недостаток, противоречивость или же нечеткость информации*. Подобный подход характерен для любых информационных моделей поведения: от биологических до социально-психологических. Следует признать его определенную обоснованность: с одной стороны, именно способность сохранять активность в ситуации недостатка информации обеспечила максимальный выигрыш человека в ходе биологической эволюции, с другой — недостаток информации (при всей терминологической неясности данного понятия, особенно если речь идет о социальной информации) является наиболее легко операционализируемой переменной для экспериментального исследования.

Для психологии эти идеи впервые были сформулированы как особая методологическая позиция в концепции вероятностного функционализма Э. Брунsvика, благодаря чему понятие неопределенности приобрело статус самостоятельной психологической категории — прежде всего в общей психологии.

Основной смысл концепции вероятностного функционализма Брунsvик формулирует в следующих двух положениях:

1) среда, в которой живет и действует живой организм, неопределенна и непредсказуема по своей природе, и чтобы выжить, организм должен уметь приспосабливаться к этой неопределенности;

2) нет строго однозначных отношений между внешним воздействием и его периферическими, сенсорными эффектами в организме, с одной стороны, и центральными состояниями (потребностями) организма и его периферическими поведенческими эффектами, с другой стороны (см. *Кринчик, 1979*).

Однако однозначность соответствий «внешнее воздействие — центральный перцептивный эффект» и «центральное потребностное состояние - конечный поведенческий эффект» сохраняется, что и обуславливает, согласно Брунsvику, адап-

тивность человека к неопределенности. Заметим, однако, что сами механизмы установления подобных соответствий автором данной концепции фактически не рассматриваются.

В ряде случаев в центре внимания исследователей оказываются другие признаки ситуации неопределенности. Так, например, для большинства общепсихологических подходов ведущим признается не только и не столько недостаток информации, сколько *несовместимость двух или более когнитивий* (причем подобная несовместимость рассматривается, в том числе, на «оси времени» — как актуальная или же как несовместимость актуального и прошлого знания), а также *рассогласованность когнитивий и поведения*. Заметим, что для социальной психологии данный подход к проблеме традиционно эксплицирован практически во всех когнитивистских концепциях: теории когнитивного диссонанса Л. Фестингера, теории коммуникативных актов Т. Ньюкома и т. п. (общую характеристику данных концепций см.: *Андреева, Богомолова, Петровская, 2001*).

В ряде инженерно-психологических работ представлена и другая точка зрения, когда под неопределенностью ситуации понимается, прежде всего, *невозможность* (как правило, объективная) *контроля со стороны субъекта действия*. В большинстве случаев при этом основным предметом исследования выступает индивидуальная устойчивость субъекта действия¹, разворачивающегося в подобных условиях (например, оператора). С этой точки зрения, собственно неопределенность возникает тогда, когда перцептивная установка² человека «наталкивается» на некоторый информационный барьер, выражающийся либо в недостатке знаний о ситуации, либо в несформированности умений действия в ней.

Для работ, выполненных в русле организационной психологии, как правило, понятие неопределенности «соседствует» с понятием *степени риска принимаемых решений*. Последнее, очевидно, выводит анализ в несколько иную плоскость, заставляя обращаться, например, к понятиям разделенной и неразделенной ответственности. Однако в подобном отождествлении категорий есть определенное рациональное основа-

ние: ситуация неопределенности в этих концепциях рассматривается как требующая выбора, приводящего к любому исходу из фиксированного множества исходов, причем вероятность его осуществления неизвестна — в силу либо отсутствия необходимой статистической информации, либо в силу нестатистичности самой ситуации (Боумэн, 1997). Тем самым неопределенность ситуации представляется как *многочисленность возможных результатов*, а последняя объективно повышает степень риска принимаемых решений.

Для возрастано-психологических работ, особенно для тех из них, которые выбирают предметом своего изучения подростковый возраст, характерно понимание неопределенности как *множественного выбора*, преодоление которого и лежит в основе формирования центрального психологического новообразования данного возрастного этапа, а именно самоопределения (Кон, 1984; Райс, 2000 и др.).

В заключение стоит, наверное, остановиться на отражении проблемы неопределенности в культурологическом аспекте. Известно, что возрастание количества неопределенных социальных ситуаций нередко оценивается как ведущая особенность эпохи постмодерна (см., например, *Shotter, 1987*), в силу хотя бы того принципиального факта, что реальность постмодерна есть реальность множественная. «Неукоренность в бытии» М. Хайдеггера, «спонтанность повседневности» Б. Вальденфельса, «бытие-между» С. Кьеркегора отражают, по сути, один и тот же пафос проблемы человека в современном мире — пафос его (человека) незавершенности, фактического отсутствия ориентации на фиксированные ролевые модели, абсолютизацию свободы выбора. Заметим, что далеко не всегда данная ситуация социального бытия человека оценивается как благо: подобная общественная перестройка процессов формирования субъекта, требующая от человека множественных «переключений», подобная повседневная прерывистость социального бытия делает процессы рефлексии избыточными, требуя от человека лишь инсценировки своей индивидуальности, проявления только «фасада» (в терминологии И. Гофмана) личности (*Baumeister, 1986*). Иногда увеличение

количества ситуаций неопределенности оценивается еще более жестко: например, с точки зрения М. К. Мамардашвили, рост числа «ситуаций со странностями», ситуаций, неподдающихся рациональному осмыслению и описанию, является антропологической катастрофой современности, ибо нарушает условия, при которых человеческие действия имеют смысл (*Мамардашвили, 1992*).

Мы фактически уже перешли от описания существующих определений ситуации неопределенности к точкам зрения об ее возможных следствиях для личности. Следует заметить, что в целом данные следствия анализируются как представленные *на трех взаимосвязанных уровнях — на уровне поведения, эмоциональных переживаний и когнитивных структур*, хотя и далеко не всегда рассматриваются одновременно.

В том, что касается *поведенческих следствий ситуации неопределенности*, то в целом они рассматриваются в тесной связи с понятием активности и факторами сохранения ее в данных условиях. Заметим, что для отечественной психологии общеметодологической платформой подобных точек зрения выступает позиция С. Л. Рубинштейна. Согласно ей, внешние причины действуют, преломляясь через внутренние условия, и потому конечный эффект воздействия зависит от внутренних свойств объекта, что означает, по существу, что всякая внешняя неопределенность неминуемо «вызывает к жизни» активизацию субъекта, стремление его «найти точку опоры» в себе самом. Тем самым на смену «внешней» детерминации приходит процесс самодетерминации, смысл которого «заключается в подчеркивании роли внутреннего момента самоопределения, верности себе, неодностороннего подчинения внешнему» (*Рубинштейн, 1973. С. 382*). Более того, сама «специфика человеческого существования заключается в мере соотношения самоопределения и определения другими (условиями, обстоятельствами) ...в связи с наличием у человека сознания и действия» (Там же. С. 260). Данный подход последовательно развивает в своих работах и К. А. Абульханова-Славская, для которой центральным моментом активности в неопределенности также является самодетерминация, понимаемая как осоз-

нанное стремление занять определенную позицию (*Абульханова-Славская, 1991*).

В экспериментальной психологии проблема сохранения поведенческой активности человека в условиях неопределенности стимула и трудностей прогнозирования индивидуального успеха была поставлена в связи с изучением известного феномена «обученной беспомощности». Напомним, что суть его состоит в том, что в ситуации экспериментального провоцирования опыта длительных неудач в деятельности, субъективно переживаемого как потеря контроля над ситуацией, происходит отказ от дальнейшей активности даже в легких ситуациях. Отмечалось, что на формирование подобной поведенческой стратегии влияет ряд разноплановых факторов. А именно:

«иммунизирует» к неудачам (и, следовательно, позволяет сохранять активность в неопределенности) не столько опыт предыдущего успеха, сколько опыт предыдущего преодоления трудностей;

более подвержены данному феномену оказываются те испытуемые, кто атрибутирует предыдущие неудачи своим личным качествам, а не внешним обстоятельствам;

в ряде экспериментальных работ менее подвержены «обученной беспомощности» оказывались те испытуемые, которые обладали высокой самооценкой: будучи в целом более остальных ориентированы на задачу, а не на возможности самоподтверждения, они чаще воспринимали всю ситуацию эксперимента как игру;

некоторые исследователи обращают внимание на роль социально-идентификационных структур личности как определенный «буфер» на пути формирования подобной стратегии поведения в неопределенности: возможность самоотождествления себя в изменившейся ситуации с прошлыми социальными достижениями «тормозит» отказ от активности в наступившей неопределенности (*Ротенберг, 1998*).

Специфическое понимание факторов сохранения активности в ситуации неопределенности представлено в целом ряде психотерапевтических традиций, особенно в тех из них, кото-

рые ориентированы на групповые формы работы. В силу подобной ориентации, они неминуемо оказываются шире обращены к социально-психологическим, нежели к личностным детерминантам активности в неопределенности. В работах, посвященных теоретическому анализу различных форм групповой психотерапии, отмечается, что общим основанием для помощи человеку в поддержании его активности и готовности действовать в ситуации объективной или же субъективной неопределенности выступают способы создания так называемой интерперсональной перспективы (Жуков, 1999). Перцептивное отреагирование травмирующей ситуации в психодраме, рационально-действенное воссоздание конфликта в ролевом тренинге, увеличение количества «языков самовыражения» в тренинге сензитивности — все эти приемы нацелены, по сути, на расширение зоны осознаваемого в отношениях «Я» — «Другой», и, следовательно, на увеличение ресурсов идентификации. Заметим здесь же, что подобная трактовка созвучна многим современным концепциям менеджмента, которые связывают успешность стратегических решений в неопределенности с наличием у их субъекта (как индивидуального, так и коллективного) широкого видения спектра возможностей. Именно «широкое видение» и позволяет «перевести» ситуацию неопределенности в ситуацию субъективного риска, т. е. присвоить некоторым событиям определенную вероятность (Капустин, 1993).

Если обратиться теперь к общим представлениям о том, как переживается ситуация неопределенности, каковы ее *следствия на эмоциональном уровне*, то можно видеть, что в большинстве работ, посвященных этому вопросу, отмечается, что квалификация ситуации как неопределенной может вызывать два основных вида эмоциональных переживаний: во-первых, интерес или любопытство, а во-вторых, страх или тревогу (см. Луковицкая, 1998).

При этом основное внимание исследователей, как правило, сосредоточено на втором, негативном, полюсе эмоциональных переживаний, которые нередко рассматриваются как обладающие собственной мотивирующей силой, — достаточно

вспомнить, например, что процесс редукции когнитивного диссонанса в когнитивистски-ориентированных социально-психологических концепциях, ведущий в итоге к редукции неопределенности, «запускается» именно ими (о наличии чувств страха и тревоги как сопровождающих переживание когнитивного диссонанса писали еще Л. Фестингер и Ф. Хайдер). Однако очевидно, что и противоположный, позитивный, полюс чувств имеет право на существование.

В достаточном количестве психологических работ отмечается позитивно-эмоциональное «сопровождение» ситуации неопределенности. В определенном смысле это понятно: катарсическое переживание, являющееся традиционным сюжетом искусствоведения, в качестве исходного пункта всегда имеет столкновение субъекта переживания с ситуацией неопределенности. Иногда подобная точка зрения доминирует и в психологических концепциях эмоций, нередко в своем абсолютизированном варианте: так, известный отечественный исследователь эмоциональной сферы П. В. Симонов вообще считает, что любые живые системы стремятся к ситуациям неопределенности, дабы пережить положительные эмоции. И в данной концепции, и во многих других, подчеркивающих роль позитивных чувств при переживании неопределенности, подобная точка зрения также объяснялась вниманием к мотивирующей роли ситуации неопределенности (из отечественных работ наиболее «знаковыми» в этом подходе являются известные работы Б. В. Зейгарник — по сути, ее знаменитый «эффект незавершенного действия» фиксирует именно эту сторону проблемы). Подтверждения данной позиции можно найти и в практике психотерапии — так, например, для Бинсвангера неопределенность может переживаться субъектом как определенный вызов («challenge»).

Между прочим, вне зависимости от того, какой полюс чувств считать наиболее характерным для ситуации неопределенности, с точки зрения «вектора» своей мотивирующей силы они будут приводить к одинаковому результату на уровне действия. Так, если абсолютизировать позитивные переживания, то очевидно, что человек будет стремиться к постоянно-

му воссозданию неопределенности как источника положительных эмоций. Но также если исходить из имплицитных представлений о том, что для человека редукция неопределенности всегда эмоционально предпочтительнее ее увеличения, то мы приходим к несколько парадоксальному выводу, а именно — человек будет стремиться к таким действиям, результат которых максимально непрогнозируем, так как наступление подобного результата обладает способностью, максимально редуцирующей неопределенность.

Однако наибольшее количество исследований как теоретического, так и эмпирического плана обращается к *когнитивным следствиям ситуации неопределенности*, причем в зависимости от акцентирования тех или иных признаков самой ситуации неопределенности исследователи обращают большее внимание на те или иные когнитивные структуры личности.

Так, для исследований, выделяющих в качестве ведущего признака неопределенности невозможность контроля за ситуацией и тем самым обращенных, как правило, к изучению процесса принятия решений, готовность человека действовать в ситуации неопределенности рассматривается сегодня в связи с таким когнитивным параметром, как «принятие риска» (Корнилова, 1998). Справедливо отмечается, что личностная включенность в ситуацию принятия сложных решений невозможна без акта самоопределения как «прикидки» человеком своих возможностей к ее требованиям: ведь оцениваются всегда не только возможные последствия решений, но и их «субъективная цена». Подобная же оценка имеет уже большее отношение к работе самосознания, нежели к чему иному. Заметим, что подобный подход конкретизирует, по сути, субъектно-ориентированную парадигму в психологии, анализируя человека как субъекта саморегуляции, отвечающего за опосредствование своих решений и действий на уровне «Я». Собственно «принятие риска» оценивается как некоторое «когнитивно-личностное усилие», посредством которого потенциальные исходы ситуации «примериваются» к возможностям своего «Я» (Корнилова, 1998).

В работах, посвященных анализу подросткового этапа социализации как возраста наиболее эксплицитно стоящей задачи преодоления множественных неопределенностей, одним из когнитивных процессов, связанных с успешностью требующихся множественных выборов, выступает антиципация возможных вариантов будущего (*Воловик, 1990; Леонтьев, Шелобанова, 2001*). В целом отмечается, что наличие на данном возрастном этапе развернутых жизненных планов не только опосредует личностные выборы, но и служит основанием социально-психологической адаптации в более позднем возрасте. Интересно, что подобная точка зрения присутствует и в работах экономического профиля, посвященных стратегическому менеджменту (см., например, *Блумэн, 1997*). Специальные усилия по выработке перспективных планов деятельности, позволяющие снять субъективное переживание неопределенности, могут быть оценены как «расширение жизненной перспективы» — только уже не индивидуального, а коллективного субъекта деятельности. Заметим при этом, что сама подобная способность к «развертыванию» своей жизненной перспективы связывается исследователями с целым рядом других когнитивных образований: системой персональных и социальных ценностей, образом группы принадлежности, «Я»-концепцией в целом (см., например, *Гулякина, 1998; Райс, 2000*).

Обращаясь теперь к анализу возможных когнитивных следствий ситуации неопределенности в социально-психологическом ракурсе, отметим, что именно они являются для нее наиболее традиционным предметом изучения. Исследования, как перцептивных защит, так и каузальной атрибуции в психологии социального познания в определенном смысле ориентированы именно на это. Так, например, механизм каузальной атрибуции в целом ориентирует внимание субъекта на неуправляемые (с его точки зрения) причины тех или иных событий, снимая с него ответственность за происходящее и создавая тем самым иллюзию их понимания, то есть, по сути, редуцируя неопределенность. Однако большая часть подобных работ, исходя из общего понимания ситуации неопределенности как наличия трудностей категоризации тех или иных

явлений и событий, закономерно связывает возможные когнитивные следствия ситуации неопределенности с идентификационными процессами. Остановимся на этом более подробно.

2. Идентичность в неопределенности: теоретические подходы и практика исследований

Напомним, что при всей терминологической многозначности — отчасти в силу сложившихся традиций исследования, отчасти в силу очевидно междисциплинарного характера самого термина, — общей для социальных наук является сегодня точка зрения, что идентичность есть результат активного процесса, сопровождающегося ощущением человеком собственной непрерывности, тождественности и определенности вследствие принадлежности к некоторому надындивидуальному целому. Соответственно, вопрос о трансформации идентификационных структур личности в ситуации неопределенности превращается в вопрос об изменении этих ее основных характеристик.

Прежде всего отметим, что влияние актуальной социальной неопределенности на идентичность нередко оценивается как имеющее для последней фатальное значение, — превращающее ее, по меткому выражению одного из исследователей, в «термин избыточности номер один» (*Shotter, 1987*). В самом деле, фактическое отсутствие в современном обществе (с точки зрения постмодернистской перспективы) абсолютных, претендующих на универсальность целостностей, относительно которых человек мог бы обрести внутреннюю устойчивость, определенность, и, как следствие, большая личная свобода человека от ролевых «привязанностей» оборачиваются отсутствием оснований солидарности, с одной стороны, и отсутствием самотождественности — с другой. В зависимости от уровня личного оптимизма исследователи склоняются к различным вариантам видения дальнейших следствий: от признания тотальности антропологического кризиса современности в силу принципиальной потери человеком своего подлинного «Я» (оче-

видно, что «индивидуальность без конца», провозглашенная как лозунг еще Т. Адорно, имеет в своем предельном выражении «конец индивидуальности») до постулирования «лоскутной», «множественной» и тому подобной идентичности.

Так, например, отмечается, что способность к легкому изменению своих идентификационных структур становится сегодня уже не психопатологией, а фактором психического здоровья: повседневная социальная прерывистость с необходимостью формирует субъекта, который легко меняет роли и соответствующие им идентичности. Более того, когнитивная и эмоциональная непереносимость человеком двойственности (своего рода нетолерантность к неопределенности в силу жесткой фиксации на конкретном наборе ролей) в некоторых концепциях антропологической психиатрии рассматривается как дифференцирующий признак ряда маниакально-депрессивных психотических расстройств (*Краус, 1996*).

По сути, в оценке строящего свой «открытый проект идентичности» человека эпохи постмодерна варьирует лишь элемент его личной креативности: *то* ли он строит этот проект, так сказать, вынужденно — «по образу и подобию» противоречивой и сегментированной повседневности, *то* ли данные особенности повседневности заставляют его искать и/или создавать новые смыслы и новые социальные сети, становящиеся основой идентичности. Заметим, однако, что подобный момент личной креативности, присутствуя в культурологических анализах проблемы, фактически исчезает (а жаль!) при переводе ее в социально-психологический план. Как же представлена сегодня проблема «множественной» идентичности в социальной психологии?

Заметим, что конкретное ее воплощение в определенной степени связано с доминирующим фокусом анализа, а именно — вниманием преимущественно к *механизмам* формирования идентичности или же к ее *структурным особенностям*.

Так, сегодня все чаще отмечается ведущая роль процесса самоверификации как механизма, противостоящего потенциальной «множественности» идентичности и опосредующего саму возможность возникновения новых представлений чело-

века о самом себе. В основе этих взглядов лежит представление о том, что социальное взаимодействие всегда строится по линии редукции неопределенности. Соответственно, мы скорее будем выбирать тех партнеров, которые видят нас так же, как мы сами видим себя: ведь только в этом случае наше взаимодействие с ними будет строиться по уже известным нам

из прошлого опыта закономерностям. Интересно, что эта тенденция к самоусилению характерна не только для позитивных, но и негативных самохарактеристик, то есть мы выбираем не только партнеров, которые видят в нас «хорошее» (что, в общем, логично), но и тех, кто подтверждает наши «плохие» представления о себе (*Swann, 1990*).

При этом показано, что и в случае самоверификации положительных «Я»-представлений, и в случае самоусиления негативных аспектов «Я» мы стремимся к подтверждению только тех самохарактеристик, в которых максимально уверены, а не наоборот, что опять-таки было бы логичнее. Иными словами, мотив самоусиления во взаимодействии определенно превалирует над мотивом самопознания (с субъективной точки зрения, наибольшая опасность со стороны социального окружения «грозит» тем аспектам нашего «Я», про которые мы «все точно знаем», которые образуют наиболее «привычную и известную» часть «Я»-концепции), «блокируя» в определенной степени непомерное разрастание нашей «идентичности без границ» (*Banaji, Prentice, 1994*). При этом утверждается, что именно в зависимости от характера субъективной оценки степени этой угрозы мы и будем строить свои конкретные самопрезентации в том или ином случае социального взаимодействия.

Оригинальный подход к пониманию механизмов поддержания идентичности в неопределенности представлен в концепции Р. Харре. С его точки зрения, глубинным проявлением субъектности в этой ситуации являются два вида «самоинтервенции»: 1) внимание и контроль над воздействиями (в том числе собственными мотивами и чувствами) и 2) изменение своего образа жизни, своей идентичности. Логически в качестве предпосылок субъектности выделяются два условия: во-первых, способность репрезентировать более широкий спектр

«возможных будущих», чем те, которые могут быть реализованы, и, во-вторых, способность осуществить любое выбранное их подмножество, а также прервать любое начатое действие (см. *Леонтьев, 2000*). Таким образом, акцент в анализе идентификационных структур в ситуации неопределенности делается не столько на их «множественности», сколько на «возможности», вероятности появления.

Одним из универсальных мотивационных механизмов, позволяющим конструировать представления о себе в ситуации неопределенности, считается сегодня механизм самоэффективности, впервые выделенный А. Бандурой. Самоэффективность представляет собой убеждение человека в собственных способностях организовать и осуществить действия, требующиеся для того, чтобы произвести определенные результаты (*Бандура, 2000*). Соответственно, отсутствие подобной уверенности редуцирует готовность человека действовать, особенно при условии трудностей категоризации самой ситуации. Таким образом, «люди оказывают некоторое влияние на то, что они делают, через альтернативы, которые они принимают в расчет, через прогнозирование и оценку представляемых ими исходов, включая их собственные самооценочные реакции, и через оценку ими своих способностей выполнить то, что они намечают» (Там же. С. 355).

Если же в центре внимания исследователей оказывается преимущественно структурное разнообразие «Я»-представлений, само содержание «множественной» идентичности, то, как правило, в основе подобных точек зрения лежит экзистенциальная трактовка «Я», противостоящая его овеществлению. Более конкретно отмечается, что множественность «Я», понимаемая современной психологией не только как смена различных ролей, но как постоянная многомерность, децентрация «самости», обусловлена, во-первых, наличием у человека чувства исторической и психологической разобщенности, а во-вторых, появлением множества новых культурных символов, общих для всего человечества (*Кон И. С, 1984*).

Операциональная разработка проблемы структурного разнообразия и множественности «Я» во многом оказалась

связана с введением в активный научный обиход понятия «возможного «Я», разработанного в концепции Х. Маркус (*Markus*, 1990; *Markus, Kitayama*, 1991).

Предваряло его введение понятия «рабочей «Я»-концепции», определяемой как «Я»-концепция в данное время и в заданном социальном контексте взаимодействия, как часть общего репертуара «Я», определяемого на микро- и макро-социальном уровне (*Markus*, 1990). При этом какие-то рабочие «Я»-концепции актуализируются чаще, какие-то — реже, и тем самым вопрос о стабильности /изменчивости «Я» в принципиально изменяющемся социальном мире начинает звучать как вопрос о *вероятности* появления той или иной частной «Я»-концепции в ситуации конкретного социального взаимодействия.

Именно эта идея «вероятности», определенной относительности самопроявлений обусловила появление категории «возможного «Я» — согласно Х. Маркус и П. Нуриус, последнее является экстраполяцией нашей текущей рабочей «Я»-концепции на временную ось (*Markus, Nurius*, 1986). Очевидно, что «возможных «Я» столь же неограниченное количество, сколь и рабочих «Я»-концепций; также очевидно, что они могут быть как негативными, так и позитивными. В общем виде для данных авторов «возможные «Я» — это наши воображаемые представления о том, чем мы можем стать в будущем (как «хорошие», так и «плохие»). Исследователи отмечают мотивирующую функцию как позитивных, так и негативных «возможных «Я» — образ себя успешного в будущем или представление о себе как о потенциальном неудачнике «творит» реальный успех или неудачу (что, впрочем, давно известно в социальной психологии как феномен «самоосуществляющегося пророчества»).

Анализу «возможных «Я» современных российских подростков, отражающих динамику их представлений о своем социальном будущем, было посвящено одно из наших эмпирических исследований, включавшее в себя два сравнительных замера: в начале и в конце 90-х гг. (*Белинская, Тихомандрицкая*, 2001).

Прежде всего, отметим, что в обоих случаях представления о будущем у подростков не только отражали особенности их половой и социальной принадлежности, но в основном определялись содержанием господствующих социальных стереотипов.

Так, в большинстве случаев в начале 90-х гг. в качестве престижных достижений своего «завтра» фигурировали: наличие собственной фирмы или «дела», обладание определенной маркой автомобиля и видеоманитона, возможность потребления импортной пищи. При этом вне зависимости от половой принадлежности фактически не упоминался сам характер профессиональной деятельности, желаемый уровень и качество образования, место проживания и характер досуга. Характерной и также не имеющей половых различий особенностью социального «будущего» подростков начала 90-х гг. было наличие многодетной и «счастливой» семьи, как правило, многопоколенной.

В сочинениях подростков конца 90-х гг. личное «социальное будущее» претерпело значительные изменения. В качестве престижных собственных достижений выступили обладание высокооплачиваемой профессией, предполагающей работу по найму в зарубежной фирме, наличие собственной квартиры и загородной виллы, мобильный образ жизни и возможность постоянного приобретения промышленных товаров импортного производства. В значительной степени оказались представлены характеристики уровня образования и особенности досуга. Семья при сохранении общего большого «удельного веса» в описаниях «светлого социального завтра» также описывалась иначе — практически исчезли указания на ее многопоколенность, снизилось общее количество желаемых детей, появились четкие половые и социальные различия в ее описаниях³.

Различия в сочинениях подростков начала и конца 90-х гг. отмечались и в описаниях «неудавшегося социального завтра». Прежде всего это касалось межполовых различий: описания своего «неудавшегося» социального будущего у юношей включали в себя значимо большее, чем у девушек, количество упоминаний о девиантных формах социального поведения (тюремное заключение, алкоголизм, наркомания, суицид).

Аналогичные сочинения девушек и в начале и в конце 90-х гг. писались по другому принципу: сохранялись указания на определенный материальный достаток, наличие семьи и работы, достаточно широкого круга друзей и родственников при условии, что «он» (партнер) склонен ко всем вышеперечисленным формам девиантного поведения. Иными словами, девушки демонстрировали более высокие потенциальные возможности социально-психологической адаптации, что в целом соответствует данным других социально-психологических исследований полоролевой социализации (см., например, Райс, 2000).

Представляется, что подобное проспективное «отражение» на уровне идентичности ситуации социального кризиса несет в себе некоторые характерные особенности, свойственные в целом идентификационным структурам в ситуации социальной неопределенности. Прежде всего, отметим, что «возможная социальная идентичность» оказалась, по сути, социальным стереотипом — устойчивым образом «социальногозавтра», лишенным личностных особенностей. Одной из возможных интерпретаций данного факта может быть апелляция к закономерностям социального познания. Как известно, понятие константности восприятия, определенное как сохранение стабильности образа, несмотря на изменение объективных характеристик стимула, в настоящее время применяется и к социальной перцепции и самовосприятию. В этом смысле полученные данные могут быть интерпретированы как общая тенденция к сохранению стабильного образа социального мира (и социальной идентичности в том числе), несмотря на все идущие микро- и макросоциальные изменения, несмотря на ситуацию социальной неопределенности.

Однако возможна и другая интерпретация данных результатов, а именно: общее «поле» актуальной неопределенности может быть в отдельных своих локальных «точках» вполне определенным — как объективно, так, заметим, и субъективно, особенно для респондентов подросткового возраста (эмпирические исследования отношения российских подростков к ситуации социальной нестабильности показывают, что вне зависимости от половой принадлежности и уровня материального

благополучия большинство из них склонны воспринимать актуальную ситуацию как стабильную (см. *Андреева и др., 1997*). Соответственно, если мы хотим эмпирически исследовать влияние неопределенности на идентификационные структуры, то с необходимостью встает вопрос о нахождении экспериментальной модели ситуации социальной неопределенности. Представляется, что подобной моделью может выступить ситуация интернет-коммуникации. Почему именно она?

Прежде всего напомним, что все представители социального конструкционизма (а именно это направление доминирует сегодня в социально-психологическом анализе личности) считают роль языка ведущей при становлении любых идентификационных структур, так как именно язык обеспечивает взаимодействующих субъектов ресурсом для различного рода самопрезентаций (*Shotter, Gergen, 1989*). Именно этот процесс влияет в конечном счете на личностный смысл «Я»-концепции, в результате чего язык оказывается главным инструментом интерпретации неопределенных социальных ситуаций. Ситуация же компьютерно-опосредованного общения очевидно является социально неопределенной, так называемой «слабой» ситуацией (*Росс, Нусбет, 1999*). Соответственно, дискурсивный анализ закономерностей позиционирования пользователем себя и другого при межличностном взаимодействии в виртуальной реальности мог бы помочь ответить на два основных вопроса «личностной» проблематики социального конструкционизма, а именно:

какой логике отдать предпочтение при анализе роли языка для «Я»-концепции: рассматривать его в терминах «грамматических возможностей» или сосредоточиться на понятиях языка как дискурсивных действиях (*Potter, Wetherell, 1987*)? И если выбрать последнее, то — каждый ли человек использует язык как дискурсивное действие? (Представляется, что примером подобного действия в интернет-коммуникации будет ситуация так называемых "игр с идентичностью", т. е. создание "виртуальной личности" без очевидных мотивационных причин);

как воздействуют определенные «дискурсивные общины», т. е. группы людей, придерживающиеся определенной

стратегии дискурса и создающие тем самым специфичный социальный контекст взаимодействия на индивидуальность? (Представляется, что примером их в интернет-коммуникации выступают тематические телеконференции).

Обращаясь к возможным эмпирическим доказательствам правомочности первого из этих вопросов, заметим, что некоторые исследователи интернет-коммуникации отмечают, что основной причиной создания пользователями «виртуальных личностей» может быть получение некоего нового опыта как самоценное стремление, как собственно «поиск»⁴.

Анализ «поисковых» детерминант создания виртуальной личности показывает, что:

«виртуальная личность» в данном случае оказывается несоотносима ни с «идеальным», ни с «реальным» «Я»; она, прежде всего, выражает стремление испытать нечто ранее не испытанное (*Жичкина, Белинская, 2000*);

создание «виртуальной личности» в данном случае не является компенсаторным стремлением по преодолению объективных или субъективных трудностей реального общения и взаимодействия (*Фриндте, Келер, 2000*);

пользователями старшего подросткового и юношеского возраста чаще всего «виртуальная личность» создается именно с целью испытать новый опыт, что может быть объяснено возрастным стремлением к самовыражению, реализуемому через «примерку» на себя различных ролей (*Жичкина, Белинская, 2000*).

Подытоживая вышесказанное, можно сделать вывод, что сегодня социальная неопределенность во многом задана ситуацией объективного перехода от индустриального общества к информационному, что субъективно представлено в определенной «разорванности» двух разных миров: *реального социального бытия и бытия информационного*. Первый, социальный мир, — несмотря на всю его постмодернистскую неопределенность, остается относительно объектным и структурированным, исходно задавая человеку рамки для самокатегоризации, ограничивая его как социальный объект (границами пола, возраста, национальности, профессиональной при-

надлежности и пр.). Второй же — информационный — принципиально безграничен, и, следовательно, необходимым условием существования в нем является решение задачи самоопределения, поиска идентичности. В нем установление «границ «Я»», формирование идентификационных структур в неопределенности, возможно двумя путями:

1) через перенос в виртуальное пространство уже известных и наработанных в социальном мире символов (пола, возраста и пр.), то есть через виртуальную реконструкцию социальной идентичности;

2) через осмысление ценностных ориентиров своей деятельности, через формирование себя в виртуальном пространстве как активного субъекта, т. е. через виртуальную реконструкцию персональной идентичности. Решение именно этой двойной задачи и позволяет человеку стать субъектом не только социального, но и информационного мира.

Таким образом, распространение культуры виртуальной реальности заставляет современное общество все более и более структурироваться вокруг противостояния сетевых систем (net) и личности (self) (Castells, 1998), что в определенном смысле отражает противостояние процессов самопрезентации и идентичности в ситуации неопределенности, свойственное эпохе постмодерна в целом.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. / К.А. Абульханова-Славская - М., 1991.
2. Андреева Г.М. Психология социального познания. / Г.М. Андреева - М., 1997.
3. Андреева Г.М. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы. М., 2001.
4. Андреева Г.М. Хелкама К., Дубовская Е.М., Стефаненко Т.Г., Тихомандрицкая О.А. Уровень социальной стабильности и особенности социализации в старшем школьном возрасте // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1997. ; 4. С. 31-41.
5. Бандура А. Теория социального научения. / А. Бандура - М., 2000.
6. Белинская Е.П. Социальная психология личности. / Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая - М., 2001.

7. Боумэн К. Основы стратегического менеджмента. / К. Боумэн - М., 1997.
8. Волович А.С. Особенности социализации выпускников средней школы: Автореф. дис... канд. психол. наук. / М., 1990.
9. Гулякина В.В. Групповые нормы и ценности как факторы самоопределения личности старшеклассника: Автореф. дис... канд. психол. наук. / М., 1999.
10. Жуков Ю.М. Психотехники расширения сознания // www.flogiston.ru.
11. Жичкина А.Е. Самопрезентация в виртуальной реальности и особенности идентичности подростка-пользователя Интернета / А.Е. Жичкина, Е.П. Белинская // Образование и информационная культура. М., 2000. - С. 431-460.
12. Капустин А.Ф. Неопределенность: виды, интерпретации, учет при моделировании и принятии решений / А.Ф. Капустин // Вестник СПбГУ.- Серия 5. Экономика. - 1993. - №2. - С. 108-114.
13. Кон И.С. В поисках себя: личность и ее самосознание. / И.С. Кон. - М., 1984.
14. Корнилова Т.В. Многомерность фактора субъективного риска в вербальных ситуациях принятия решений / Т.В. Корнилова // Психол. журнал. - 1998. - Т.19. - № 6. - С. 32-41.
15. Краус Г. Новые социально-психологические концепции больных маниакально-депрессивным психозом / Г. Краус // Вопросы психиатрии. - 1996. - № 6. - С. 56-69.
16. Кринчик Е.П. Психологические проблемы трудовой деятельности в ситуации неопределенности / Е.П. Кринчик // Вестник МГУ. - Серия 14. Психология.- 1979. - №3, С. - 14-23.
17. Леонтьев Д.А. Психология свободы: к постановке проблемы самодетерминации личности / Д.А. Леонтьев // Психол. журнал. - 2000. - Т.21. - №1. - С. 3-18.
18. Леонтьев Д.А. Профессиональное самоопределение как построение образов возможного будущего / Д.А. Леонтьев, Е.В Шелобанова. // Вопросы психологии. - 2001.- №1. - С. 57-65.
19. Луковицкая Е.Г. Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности: Автореф. дис... канд. психол. наук. / СПб., 1998.
20. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. / М.К. Мамардашвили - М., 1992.
21. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. / Ф. Райс - СПб., 2000.
22. Росс Л., Р. Человек и ситуация: уроки социальной психологии. / Л. Росс, Р. Нисбет. - М., 1999.
23. Ротенберг В.И. Концепция поисковой активности, www.flogiston.ru.

24. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. / С.Л. Рубинштейн. - М., 1973.
25. Фриндте В. Публичное конструирование «Я» в опосредствованном компьютером общении / В. Фриндте, Т. Келер. Гуманитарные исследования в Интернете // Под ред. А.Е. Войскунского. - М., 2000. - С. 40-55.
26. Banaji M.R. The Self in Social Context / M.R. Banaji, D.A. Prentice // Annual Review of Psychology. - 1994. - Vol.45. -P. 297-332.
27. Baumeister R.F. Identity: Cultural Change and the Struggle for self. / R.F. Baumeister. - Oxford, 1986.
28. Beauvois J.-L. La construction sociale de la personne. / J.-L. Beauvois, N. Dubois, W. Doise. - Grenoble, 1999.
29. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. / M. Castels. - N.Y., 1998.
30. Markus H.R. Unresolved Issues of Self-Representation. / H.R. Marcus // Cognitive Therapy and Research. - 1990. - Vol 14(2). - P. 241-253.
31. Markus H.R. Culture and the Self: Implications for Cognition, Emotion and Motivation / H.R. Marcus, S. Kitayama // Psychological Review. - 1991. - Vol 98(2). - P. 224-253.
32. Markus H.R. Possible Selves / H.R. Marcus, P. Nurius // American Psychologist. - 1986. - Vol 41. - P. 954-969.
33. Potter J. Discourse and Social Psychology: Beyond Attitudes and Behavior / J. Potter, M. Wetherell. - Bristol, 1987.
34. Shotter J. The Ephemeral Identity: Transitory Personalities in an Era of Postmodernism. / J. Shotter. - L., 1987.
35. Shotter J. Texts of Identity. / J. Shotter, Gergen K. - London, 1989.
36. Swann W.B. To be Adored or to Be Known: the Interplay of Self-Enhancement and Self-verification / W. Swann // Handbook of Motivation and Cognition. - N. Y., 1990.

Примечания

¹ Хотя освещение проблемы индивидуальной толерантности к неопределенности не входит в нашу задачу, отметим все-таки, что на сегодняшний день существуют две основные точки зрения по данному вопросу: согласно первой из них, толерантность к неопределенности является характеристикой когнитивного стиля личности (данная позиция имеет в своей основе взгляды Т. Адорно), а согласно второй - личный уровень подобной толерантности обусловлен социокультурно (источником этих представлений является позиция Г. Хофстеде). Характеристику этих концепций см., например: *Стефаненко*, 1999.

² Напомним, что, согласно Дж. Брунеру, в сознании человека, имеющего определенный жизненный опыт, есть предваряющая сенсорный вход центральная готовность, проявляющаяся как ожидание объекта определенного класса в данной ситуации с учетом вероятности его появления (см: *Андреева, 1997*).

³ Так, для девушек из материально обеспеченных семей с высоким уровнем образования родителей будущая семейная жизнь выступала как своеобразный «компенсатор» неудавшейся профессиональной карьеры.

⁴ Именно в этом контексте наиболее часто употребляется определение данного вида поведения в Сети как «игры с идентичностью».